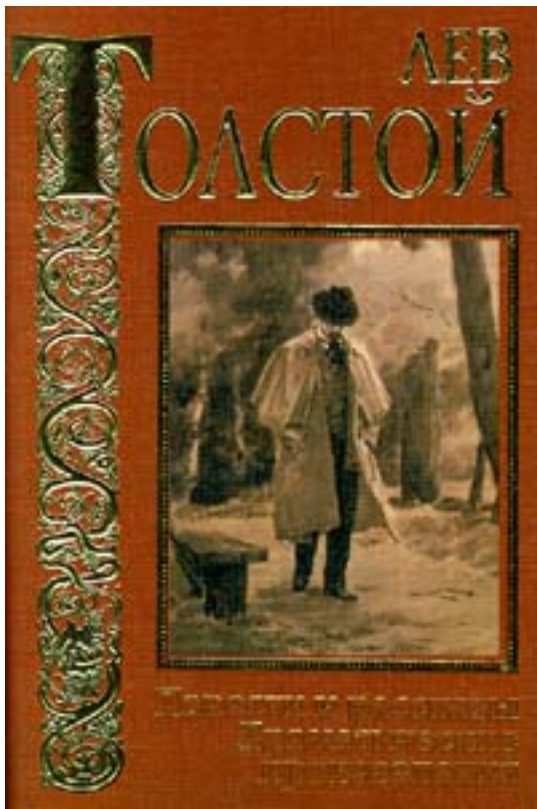




Лев Николаевич Толстой
И свет во тьме светит
Серия «Пьесы»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174919

Содержание

Действие первое	6
Явление первое	7
Явление второе	10
Явление третье	11
Явление четвертое	12
Явление пятое	14
Явление шестое	15
Явление седьмое	16
Явление восьмое	17
Явление девятое	18
Явление десятое	19
Явление одиннадцатое	20
Явление двенадцатое	21
Явление тринадцатое	22
Явление четырнадцатое	23
Явление пятнадцатое	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лев Николаевич Толстой

И свет во тьме светит

драма в пяти действиях.

Действующие лица

Николай Иванович Сарынцев.
Марья Ивановна Сарынцева, его жена.
Степа, Ваня – сыновья их.
Люба, Мисси, Катя – их дочери.
Митрофан Ермилович, учитель Вани.
Гувернантка Сарынцевых.
Няня Сарынцевых.
Александра Ивановна Коховцева, сестра Марьи Ивановны.
Петр Семенович Коховцев, ее муж.
Лизанька, их дочь.
Княгиня Черемшанова.
Борис, ее сын.
Тоня, ее дочь.
Девочка, ее дочь.
Василий Никанорович, молодой священник.
Александр Михайлович Старковский, жених Любы.
Отец Герасим, священник.
Нотариус.
Иван Зябрев, мужик.
Малашка, его дочь, с малым.
Баба, его жена.
Ермил, мужик.
Другой мужик.
Севастьян, мужик.
Петр, мужик.
Баба, его жена.
Сотский.
Мужики с косами, бабы с граблями.
Столяр.
Генерал.
Адъютант генерала.
Полковник.
Писарь полковой канцелярии.
Часовой.
Двое конвойных.
Жандармский офицер.
Писарь жандармского офицера.
Полковой священник.
Старший доктор отделения для душевнобольных в военном госпитале.
Младший доктор того же отделения.

Сторожа того же отделения.

Больной офицер.

Тапер.

Графиня.

Александр Петрович.

Лакеи Сарынцевых.

Студенты, дамы.

Танцующие пары.

Действие первое

Сцена представляет крытую террасу в деревне в богатом доме. Перед террасой цветники, lawn-tennis ¹ и крокет-граунд. На крокете играют дети с гувернанткой. На террасе сидят Марья Ивановна Сарынцева, сорока лет, красивая, элегантная, ее сестра, Александра Ивановна Коховцева, сорока пяти лет, толстая, решительная и глупая, и ее муж, Петр Семенович Коховцев, в летнем платье, толстый, обрюзгший, в рinсе-нез ². Сидят за накрытым столом; самовар и кофе, Пьют кофе, и Петр Семенович курит.

¹ лаун-теннис (англ.)

² пенсне (франц.)

Явление первое

Марья Ивановна, Александра Ивановна и Петр Семенович.

Александра Ивановна. Если бы ты мне была не сестра, а чужая, и Николай Иванович не твой муж, а знакомый, я бы находила, что это оригинально и очень мило, и, может быть, сама бы поддакивала ему. J'aurais trouvé tout ça très gentil ³. Но когда я вижу, что твой муж дурит, прямо дурит, то я не могу не сказать тебе, что думаю. И ему скажу, твоему мужу. Je lui dirai son fait, au cher ⁴ Николаю Ивановичу. Я никого не боюсь.

Марья Ивановна. Да я нисколько не обижаюсь. Разве я не вижу сама. Но только я не думаю, чтобы это было так важно.

Александра Ивановна. Да, ты не думаешь, а я тебе скажу, что если ты оставишь все так, то вы можете остаться нищими, du train que cela va ⁵.

Петр Семенович. Ну, уж нищими, с их состоянием.

Александра Ивановна. Да, нищими. Ты, мой милый, пожалуйста, не перебивай меня. Для тебя, что мужчины делают, то всегда хорошо...

Петр Семенович. Да я не знаю, я говорю...

Александра Ивановна. Да ты всегда не знаешь, что ты говоришь, потому что если ваша братья, мужчины, начнут дурить, il n'y a pas de raison que ça finisse⁶. Я только говорю, что я на твоём месте не позволила бы этого. J'aurais mis bon ordre à toutes ces lubies ⁷. Что ж это такое? Муж, глава семейства, и ничем не занимается, все бросил и все раздает et fait le généreux à droite et à gauche ⁸. Я знаю, чем это кончается. Nous en savons quelque chose ⁹.

Петр Семенович (к Марье Ивановне). Да растолкуйте мне, Marie, что такое это новое направление. Ну, либералы: земство, конституция, школы, читальни и tout ce qui s'en'suit ¹⁰, — это я понимаю. Ну, социалисты: les grèves ¹¹, восьмичасовой день, — я тоже понимаю. Ну, а это что же? Растолкуйте мне.

Марья Ивановна. Да ведь он вам вчера говорил.

Петр Семенович. Я, признаюсь, не понял. Евангелие, нагорная проповедь, церкви не надо... Да как же молиться и всё...

Марья Ивановна. Вот это-то и главное, что он все разрушает и ничего не ставит на место.

Петр Семенович. Как же это началось?

Марья Ивановна. Началось это прошлого года, со смерти его сестры. Он очень любил ее, и смерть эта очень повлияла на него. Он тогда стал очень мрачен, все говорил о смерти и сам заболел, как вы знаете. И вот тут, после тифа, он уже совсем переменялся.

Александра Ивановна. Ну, все-таки он весной еще приезжал в Москву к нам и был мил и в винт играл. Il était très gentil et comme tout le monde ¹².

³ Я бы находила это очень милым (франц.)

⁴ Я ему скажу всю правду, дорогому (франц.)

⁵ Судя по тому, как идет дело (франц.)

⁶ нет причины, чтобы это кончилось (франц.)

⁷ Я бы положила конец всем этим выдумкам (франц.)

⁸ и великодушничают направо и налево (франц.)

⁹ Мы знаем об этом немножко (франц.)

¹⁰ все то, что из этого следует (франц.)

¹¹ стачки (франц.)

¹² Он был очень мил и как все (франц.)

Марья Ивановна. Да, но уж он был совсем другой.

Петр Семенович. То есть что же именно?

Марья Ивановна. А совершенное равнодушие к семье и прямо *idée fixe*¹³ – Евангелие. Он читал целыми днями, по ночам не спал, вставал, читал, делал заметки, выписки, потом стал ездить к архиереям, к старцам, все советоваться об религии.

Александра Ивановна. И что ж, он говел?

Марья Ивановна. Перед этим он со времени женитьбы не говел, стало быть двадцать пять лет. А тут один раз говел в монастыре и тотчас же после говенья решил, что говеть не нужно, в церковь ходить не нужно.

Александра Ивановна. Я и говорю, что нет никакой последовательности.

Марья Ивановна. Да, месяц тому назад он ни одной службы не пропускал, все посты, а потом вдруг ничего этого не надо. Да вот с ним и поговори.

Александра Ивановна. И говорила и поговорю.

Петр Семенович. Да. Но это еще ничего...

Александра Ивановна. Да для тебя все ничего, потому что у мужчин нет никакой религии.

Петр Семенович. Да позволь мне сказать. Я говорю, что все-таки не в этом дело. Если он отвергает церковь, то к чему же тут Евангелие?

Марья Ивановна. А то, что надо жить по Евангелию, по нагорной проповеди, все отдавать.

Александра Ивановна. Вечно крайности.

Петр Семенович. Да как же жить, если все отдавать?

Александра Ивановна. Ну, а где же он нашел в нагорной проповеди, что надо *shake hands*¹⁴ с лакеями делать? Там сказано: блаженны кроткие, а об *shake hands* ничего нет.

Марья Ивановна. Да, разумеется, он увлекается, как всегда увлекался, как одно время увлекался музыкой, охотой, школами. Но мне-то не легче от этого.

Петр Семенович. Он зачем же поехал в город?

Марья Ивановна. Он мне не сказал, но я знаю, что он поехал по делу порубки у нас. Мужики срубили наш лес.

Петр Семенович. Это сажены ельник?

Марья Ивановна. Да, их присудили заплатить и в тюрьму, и нынче, он мне говорил, их дело на съезде, и я уверена, что он за этим поехал.

Александра Ивановна. Он этих простит, а они завтра приедут парк рубить.

Марья Ивановна. Да так и начинается. Все яблони обломали, зеленые поля все топчут; он все прощает.

Петр Семенович. Удивительно.

Александра Ивановна. От этого-то я и говорю, что этого нельзя так оставить. Ведь если это пойдет все так же, *tout y passera*¹⁵. Я думаю, что ты обязана, как мать, *prendre tes mesures*¹⁶.

Марья Ивановна. Что ж я могу сделать?

Александра Ивановна. Как что? Остановить, объяснить, что так нельзя. У тебя дети. Какой же пример им?

Марья Ивановна. Разумеется, тяжело, но я все терплю и надеюсь, что это пройдет, как прошли прежние увлечения.

¹³ навязчивая идея (*франц.*)

¹⁴ рукопожатие (*англ.*)

¹⁵ он все промотает (*франц.*)

¹⁶ принять свои меры (*франц.*)

Александра Ивановна. Да, но aide-toi, et dieu t'aidera ¹⁷. Надо ему дать почувствовать, что он не один и что так нельзя жить.

Марья Ивановна. Хуже всего то, что он не занимается больше детьми. И я должна все решать одна. А у меня, с одной стороны, грудной, а с другой – старшие, и девочки и мальчики, которые требуют надзора, руководства. И я во всем одна. Он прежде был такой нежный, заботливый отец. А теперь ему все равно. Я ему вчера говорю, что Ваня не учится и опять провалится; а он говорит, что гораздо лучше бы было, чтобы он совсем вышел из гимназии.

Петр Семенович. Но куда же?

Марья Ивановна. Никуда. Вот этим-то и ужасно, что все нехорошо, а что делать – он не говорит.

Петр Семенович. Это странно.

Александра Ивановна. Что же тут странного? Это самая ваша обыкновенная манера: все осуждать и самим ничего не делать.

Марья Ивановна. Теперь Степа кончил курс, должен избрать карьеру, а отец ничего не говорит ему. Он хотел поступить в канцелярию министра – Николай Иванович сказал, что это не нужно; он хотел в кавалергарды – Николай Иванович совсем не одобрил. Он спросил: что же мне делать? не пахать же. А Николай Иванович сказал: отчего же не пахать; гораздо лучше, чем в канцелярии. Ну, что же ему делать? Он приходит ко мне и меня спрашивает, а я все должна решать. А распоряжения все в его руках.

Александра Ивановна. Ну, и надо ему прямо все это сказать.

Марья Ивановна. Да, надо, я поговорю.

Александра Ивановна. И скажи прямо, что ты так не можешь, что ты исполняешь свои обязанности, и он должен исполнять свои, а нет – пускай передаст все тебе.

Марья Ивановна. Ах, это так неприятно.

Александра Ивановна. Я скажу ему, если хочешь. Je lui dirai son fait ¹⁸.

Входит молодой священник, сконфуженный и взволнованный, с книжкой, здоровается за руку со всеми.

¹⁷ помогай себе сам, и бог тебе поможет (франц.)

¹⁸ Я скажу ему всю правду (франц.)

Явление второе

Те же и молодой священник.

Священник. Я к Николаю Ивановичу, так сказать, книжку принес.

Марья Ивановна. Он уехал в город. Он скоро будет.

Александра Ивановна. Какую ж это вы книжку брали?

Священник. А это господина Ренана, так сказать, сочинение «Жизнь Иисуса».

Петр Семенович. Вот как! Какие вы книжки читаете.

Священник (*в волнении закуривает папироску*). Николай Иванович, они мне дали прочесть.

Александра Ивановна (*презрительно*). Николай Иванович вам дал прочесть. Что же, вы согласны с Николаем Ивановичем и с господином Ренаном?

Священник. Конечно, не согласен. Если бы, так сказать, я был согласен, то не был бы, как говорится, служителем церкви.

Александра Ивановна. А если вы, как говорится, служитель церкви верный, то что же вы не убедите Николая Ивановича?

Священник. У каждого, можно сказать, свои мысли об этих предметах, и Николай Иванович много, можно сказать, справедливо утверждают, но в главном заблуждаются, насчет, можно сказать, церкви.

Александра Ивановна (*презрительно*). А что же много справедливого утверждают Николай Иванович? Что ж, справедливо то, что, по нагорной проповеди, надо раздавать свое имение чужим, а семью пустить по миру?

Священник. Церковь освящает, что ли, так сказать, семью, и отцы церковные благословляли, что ли, семью, но высшее совершенство требует, так сказать, отречения от земных благ.

Александра Ивановна. Да, подвижники так поступали, но простым смертным, я думаю, надо поступать просто, как подобает всякому доброму христианину.

Священник. Никто не может знать, к чему он призван.

Александра Ивановна. Ну, а вы, разумеется, женаты?

Священник. Как же.

Александра Ивановна. И дети есть?

Священник. Двое.

Александра Ивановна. Так отчего же вы не отказываетесь от земных благ, а вот папироски курите.

Священник. По слабости своей, можно сказать, недостойнству.

Александра Ивановна. Да, я вижу, что, вместо того чтобы образумить Николая Ивановича, поддерживаете его. Нехорошо это. Я вам прямо скажу.

Явление третье

Те же и няня.

Няня (*входит*). Что же, вы и не слышите? Николушка кричит. Пожалуйста кормить.
Марья Ивановна. Иду, иду. (*Встает и выходит.*)

Явление четвертое

Те же, без няни и Марьи Ивановны.

Александра Ивановна. А мне так ужасно жаль сестру. Я вижу, как она мучается. Не шутка вести дом. Семь человек детей, один грудной, а тут еще эти какие-то выдумки. И мне прямо кажется, что тут неладно. *(Показывает на голову.)* Я вас спрашиваю: какую такую вы нашли новую религию?

Священник. Я не пойму, так сказать...

Александра Ивановна. Перестаньте, пожалуйста, со мной хитрить. Вы очень хорошо понимаете, что я спрашиваю.

Священник. Да позвольте...

Александра Ивановна. Я спрашиваю про то, какая такая есть вера, по которой выходит, что надо со всеми мужиками за ручку здороваться и давать им рубить лес и раздавать деньги на водку, а семью бросить?

Священник. Мне это неизв...

Александра Ивановна. Он говорит, что это христианство; вы священник православный, стало быть, должны знать и должны сказать, велит ли христианство поощрять воровство.

Священник. Да меня...

Александра Ивановна. А то на что же вы священник и волосы длинные носите и рясу?

Священник. Да нас, Александра Ивановна, не спрашивают...

Александра Ивановна. Как не спрашивают? Я спрашиваю. Он вчера мне говорит, что в Евангелии сказано: просящему дай. Так ведь это надо понимать в каком смысле?

Священник. Да я думаю, в простом смысле.

Александра Ивановна. А я думаю, не в простом смысле, а как нас учили, что всякому свое назначено богом.

Священник. Конечно. Однако...

Александра Ивановна. Да вот и видно, что и вы на его стороне, как мне и говорили. И это дурно, я прямо скажу. Если ему будет поддакивать учительница или какой-нибудь мальчишка, а вы в вашем сане должны помнить, какая лежит на вас ответственность.

Священник. Я стараюсь...

Александра Ивановна. Какая же это религия, когда он в церковь не ходит и не признает таинства. А вы, вместо того чтобы образумить его, читаете с ним Ренана и толкуете по-своему Евангелие.

Священник *(в волнении)*. Я не могу отвечать. Я, так сказать, поражен и замолкаю.

Александра Ивановна. Ох, кабы я была архиерей, я бы вас научила Ренана читать и папироски курить.

Петр Семенович. Mais cessez au nom du ciel. De quel droit? ¹⁹

Александра Ивановна. Пожалуйста, меня не учи. Я уверена, что батюшка на меня не сердится. Что ж, я сказала все. Хуже бы было, если бы я зло держала. Правда?

Священник. Извините, если я не так выразился, извините.

Неловкое молчание. Священник идет к стороне и, раскрывая книгу, читает. Входят Люба с Лизанькой. Люба, 20-летняя красивая, энергичная девушка, дочь Марьи Ивановны, Лизанька, постарше ее, дочь Александры Ивановны. Обе с корзинами, повязанные плат-

¹⁹ Но перестаньте, бога ради. По какому праву? *(франц.)*

ками, идут за грибами. Здравуются – одна с теткой и дядей, Лизанька с отцом и матерью – и со священником.

Явление пятое

Те же, Люба и Лизанька.

Люба. А где мама?

Александра Ивановна. Только что ушла кормить.

Петр Семенович. Ну, смотрите приносите больше. Нынче девочка принесла чудесные белые. И я бы пошел с вами, да жарко.

Лизанька. Пойдем, папа.

Александра Ивановна. Поди, поди, а то толстеешь.

Петр Семенович. Ну, пожалуй, только папиросы взять. *(Уходит.)*

Явление шестое

Те же, без Петра Семеновича.

Александра Ивановна. Где же вся молодежь?

Люба. Степа уехал на велосипеде на станцию, Митрофан Ермилыч с папа уехал в город, мелкота в крокет играют, а Ваня тут, на крыльце, что-то с собаками возится.

Александра Ивановна. Что ж, Степа решил что-нибудь?

Люба. Да, он повез сам прошение в вольноопределяющиеся. Вчера он препротивно нагрубил папа.

Александра Ивановна. Ну, да ведь и ему трудно. Il n'y a pas de patience qui tienne ²⁰. Малому надо начинать жить, а ему говорят: ступай пахать.

Люба. Папа не сказал ему так. Он сказал...

Александра Ивановна. Ну, все равно. Только Степе надо начинать жить, и что он ни задумает, все нехорошо. Да вот он и сам.

Степа въезжает на велосипеде.

²⁰ Всякое терпение лопнет (*франц.*)

Явление седьмое

Те же и Степа.

Александра Ивановна. Quand on parle du soleil, on en voit les rayons ²¹. Только что об тебе говорили. Люба говорит, ты нехорошо поговорил с отцом.

Степа. Нисколько. Ничего особенного не было. Он мне сказал свое мнение, а я сказал свое. Я не виноват, что наши убеждения не сходятся. Люба ведь ничего не понимает и обо всем судит.

Александра Ивановна. Ну и что же решили?

Степа. Я не знаю, что папа решил; я боюсь, что он сам хорошенько не знает, но про себя я решил, что поступаю в кавалергарды вольноопределяющимся. Это у нас из всего делают какие-то особенные затруднения. А все это очень просто. Я кончил курс, мне надо отбывать повинность. Отбывать ее с пьяными и грубыми офицерами в армии неприятно, и потому я поступаю в гвардию, где у меня приятели.

Александра Ивановна. Да, но папа почему не соглашался?

Степа. Папа? Да что же про него говорить. Он теперь под влиянием своей idée fixe ничего не видит, кроме того, что ему хочется видеть. Он говорит, что военная служба есть самая подлая служба и что поэтому надо не служить; а потому он мне денег не даст.

Лизанька. Нет, Степа, он не так сказал, я ведь была тут. Он сказал, что если нельзя не служить, то надо идти по набору, а что идти вольноопределяющимся значит самому избирать эту службу.

Степа. Да ведь я буду служить, а не он. Он служил же.

Лизанька. Да, но он говорит, что он не то что не даст денег, а не может участвовать в деле, противном его убеждениям.

Степа. Никаких тут нет убеждений, а надо служить, вот и все.

Лизанька. Я только сказала, что я слышала.

Степа. Я знаю, ты во всем согласна с папа. Тетя, вы знаете, Лиза совсем во всем на стороне папа.

Лизанька. Что справедливо...

Александра Ивановна. Да уж это я знаю, что Лиза всегда на стороне всякой глупости. Она чует, где глупость. Elle flaire cela de loin ²².

²¹ Когда говорят о солнце, видят лучи от него (франц.)

²² Она нюхом чует это (франц.)

Явление восьмое

Те же и Ваня. Вбегает Ваня в красной рубахе, с собаками, с телеграммой.

Ваня (*к Любе*). Угадай, кто приезжает?

Люба. Нечего угадывать кто. Давай телеграмму. (*Тянется. Ваня не дает.*)

Ваня. Не дам и не скажу. Тот, от кого ты покраснеешь.

Люба. Глупости! От кого телеграмма?

Ваня. Вот и покраснела, покраснела. Тетя Алина, правда, покраснела?

Люба. Какие глупости! От кого? Тетя Алина, от кого?

Александра Ивановна. Черемшановы.

Люба. А-а!

Ваня. То-то! – А! А отчего краснеешь?

Люба. Тетя, покажите телеграмму. (*Читает.*) «Будем с почтовым трое. Черемшановы». Значит, княгиня, Борис и Тоня. Ну что ж, я очень рада.

Ваня. То-то очень рада! Степа, смотри, как покраснела.

Степа. Ну полно приставать, все одно и то же.

Ваня. Да, оттого, что и ты за Тоней приударяешь. Так уж вы киньте жребий, а то нельзя брату на сестре, а сестре за брата.

Степа. Полно врать. Лучше не трогай. Сколько раз тебе говорили.

Лизанька. Да если с почтовым, так они сейчас приедут.

Люба. И то правда. Так мы не пойдем.

Входит Петр Семенович с папиросами.

Явление девятое

Те же и Петр Семенович.

Люба. Дядя Петя, так мы не пойдем.

Петр Семенович. А что?

Люба. Черемшановы сейчас приезжают. Лучше сыграем пока один сет в теннис. Степа, будешь?

Степа. Пожалуй.

Люба. Я с Ваней против тебя с Лизанькой. Согласны? Так я пойду шары возьму и ребят приведу. *(Уходит.)*

Явление десятое

Те же, без Любы.

Петр Семенович. Ну, вот и остался.

Священник (*хочет уходить*). Мое почтение!

Александра Ивановна. Нет, подождите, батюшка, мне хочется поговорить с вами. Да и Николай Иванович подъедет.

Священник (*садится и опять закуривает*). Может быть, долго?

Александра Ивановна. Да вот кто-то подъехал. Должно быть, он.

Петр Семенович. Какая же это Черемшанова? Неужели урожденная Голицына?

Александра Ивановна. Ну да. Та самая Черемшанова, которая жила в Риме с теткой.

Петр Семенович. Вот рад буду увидеть. Не видались с Рима, когда она пела со мной дуэты. Премило пела. Ведь у нее двое детей, кажется?

Александра Ивановна. Да она с ними и приезжает.

Петр Семенович. Я не знал, что они так близки с Сарынцевыми.

Александра Ивановна. Не близки, а они жили вместе прошлого года за границей. И мне кажется, что *la princesse a des vues sur Louba pour son fils. C'est une fine mouche, elle flaire une jolie dot* ²³.

Петр Семенович. Да ведь Черемшановы сами были богаты.

Александра Ивановна. Были. Князь жив, но промотал все и спился с кругу. Она подавала на высочайшее имя и спасла кое-какие крохи и оставила его. Но зато прекрасно воспитала детей. *Il faut lui rendre cette justice* ²⁴. Дочь прекрасная музыкантша, а сын кончил университет и очень мил. Только Маша, я думаю, не очень рада. Некстати теперь ей гости. А вот и Nicolas.

Входит Николай Иванович.

²³ княгиня подумывает о Любе для своего сына. Она себе на уме; она чувствует большое приданое (*франц.*)

²⁴ Надо ей отдать справедливость (*франц.*)

Явление одиннадцатое

Те же и Николай Иванович.

Николай Иванович. Здравствуй, Алина, Петр Семенович. А *(к священнику)*, Василий Никанорович! *(Здоровается.)*

Александра Ивановна. Кофе есть еще. Налить? Немного холоден, но можно подогреть. *(Звонит.)*

Николай Иванович. Нет, благодарствуй. Я поел. А где Маша?

Александра Ивановна. Кормит.

Николай Иванович. И здорова?

Александра Ивановна. Ничего. Что ж, ты сделал свои дела?

Николай Иванович. Сделал, да. Впрочем, если есть чай или кофей, дай. *(К священнику.)* А, принесли книгу. Прочли? А я всю дорогу об вас думал.

Входит лакей, здоровается, Николай Иванович подает ему руку. Александра Ивановна пожимает плечами и переглядывается с мужем.

Явление двенадцатое

Те же и лакей.

Александра Ивановна. Подогрейте, пожалуйста, самовар.

Николай Иванович. Не надо, Алина. Я не хочу, а если захочу, то и так выпью.

Явление тринадцатое

Те же и Мисси.

Мисси (*увидев отца, прибегает с крокета и вешается ему на шею*). Папа, пойдем со мной.

Николай Иванович (*лаская ее*). Сейчас, сейчас, дай поем. Иди играй, я приду.

Явление четырнадцатое

Те же, без Мисси.

Александра Ивановна. Что же, на съезде обвинили крестьян?

Николай Иванович садится за стол, жадно пьет чай и ест.

Что же, обвинили?

Николай Иванович. Да, обвинили, да они и сами признались. *(К священнику.)* Я думал, что Ренан для вас малоубедителен...

Александра Ивановна. Но ты не согласился с решением?

Николай Иванович *(досадливо)*. Разумеется, не согласился. *(К священнику.)* Вопрос для вас ведь не в божественности Христа и не в истории христианства, а в церкви...

Александра Ивановна. То есть как же: они признались, et vous leur avez donné un démenti ²⁵. Они не украли, а взяли.

Николай Иванович *(начинает говорить священнику, но решительно оборачивается к Александре Ивановне)*. Алина, голубушка, не преследуй меня шпильками и намеками.

Александра Ивановна. Да я нисколько...

Николай Иванович. А если хочешь серьезно знать, почему я не могу судиться с крестьянами за срубленный ими и нужный им лес...

Александра Ивановна. Я думаю, им и самовар отот нужен...

Николай Иванович. Так если ты хочешь, чтобы я тебе сказал, почему я не могу допустить, чтобы эти люди сидели в тюрьме и были разорены из-за того, что они срубили десять деревьев в лесу, который считается моим...

Александра Ивановна. Считается всеми.

Петр Семенович. Ну, опять споры. Пойду лучше с собаками в сад. *(Сходит с террасы.)*

Николай Иванович. Даже если бы и считать, чего я никак не могу, что этот лес мой, то у нас девятьсот десятин леса, на десятине около пятисот деревьев, стало быть четыреста пятьдесят тысяч (так, кажется?) деревьев. Они срубили десять, то есть одну сорокапятитысячную часть, – ну стоит ли, можно ли из-за этого оторвать человека от семьи и посадить в острог?

Степа. Да, но если не взыскивать за эту одну сорокапятитысячную, то очень скоро все 44999/45000 будут тоже срублены.

Николай Иванович. Да это я только для тети сказал, а в сущности, я никакого права не имею на этот лес – земля принадлежит всем, то есть не может принадлежать никому. А труда мы на эту землю не положили никакого.

Степа. Нет, ты сделал сбережения, караулил.

Николай Иванович. Каким путем я приобрел эти сбережения? И караулил лес я не сам... Ну, да этого нельзя доказать, если человек не чувствует стыда за то, что он приберет другого.

Степа. Да никто не бьет.

Николай Иванович. Точно так же, если не чувствует стыда, что он, не трудясь, пользуется чужим трудом, то доказывать этого нельзя, и вся та политическая экономия, которую

²⁵ а ты опроверг их показания *(франц.)*

ты учил в университете, только затем и нужна, чтобы оправдать то положение, в котором мы себя находим.

Степа. Напротив, наука разрушает всякие предвзятые мысли.

Николай Иванович. Ну, впрочем, это для меня неважно. Для меня важно то, что я знаю, что, если бы я был на месте Ефима, я бы сделал то же самое, что он, а сделав это, был бы в отчаянии, если бы меня сажали в тюрьму, а потому – так как я хочу поступать с другими так, как желал бы, чтобы поступали со мной, то я не могу его обвинять и делаю, что могу, чтобы его избавить.

Петр Семенович. Но если так, то нельзя ничем владеть.

Александра Ивановна. Тогда гораздо выгоднее воровать, чем работать.

Степа. Ты всегда не отвечаешь на доводы. Я говорю, что тот, кто сделал сбережение, имеет право им пользоваться.

Николай Иванович (*улыбаясь*). Ну, уж я не знаю, кому отвечать. (*К Петру Семеновичу.*) И нельзя ничем владеть.

Александра Ивановна. А если нельзя ничем владеть, нельзя иметь ни одежды, ни куска хлеба, а надо все отдать, то нельзя жить.

Николай Иванович. И нельзя жить так, как мы живем.

Степа. То есть надо умереть. Стало быть, учение это для жизни не годится.

Николай Иванович. Нет, оно дано только для жизни. Да, надо все отдать. Да не то что отдать лес, которым мы не пользуемся и никогда не видали, но надо отдать, да, и свою одежду, и свой хлеб.

Александра Ивановна. И детский?

Николай Иванович. Да, и детский, и не только хлеб, но самого себя отдать. В этом все учение Христа. Надо все силы употреблять, чтобы отдать себя.

Степа. Значит,, умереть...

Николай Иванович. Да, если ты умрешь за други свои, то это будет прекрасно и для тебя и для других, но в том-то и дело, что человек не один дух, а дух во плоти. И плоть тянет жить для себя, а дух просвещения тянет жить для бога, для других, и жизнь идет у всех не животная, по равнодействующей и чем ближе к жизни для бога, тем лучше. И потому, чем больше мы будем стараться жить для бога, тем лучше, а жизнь животная уже сама за себя постарается.

Степа. Зачем же середину, равнодействующую; если хорошо жить так, то надо все отдать и умереть.

Николай Иванович. И будет прекрасно. Постарайся сделать это, и будет хорошо и тебе и другим.

Александра Ивановна. Нет, это неясно, не просто. *C'est tiré par les cheveux* ²⁶.

Николай Иванович. Ну, что же делать. Этого нельзя словами растолковать. Ну, впрочем, довольно.

Степа. Действительно, довольно, и я не понимаю. (*Уходит.*)

²⁶ Это притянута за волосы (*франц.*)

Явление пятнадцатое

Те же, без Степы.

Николай Иванович (*обращается к священнику*). Так какое же впечатление произвела на вас книга?

Священник (*в волнении*). Как сказать: ну, историческая сторона разработана достаточно, но убедительности, достоверности, что ли, полной нет, потому что материалов, что ли, слишком недостаточно. Ни божественность, ни небожественность, что ли, Христа нельзя доказать исторически; есть одно доказательство непререкаемое...

Во время разговора сначала дамы, а потом Петр Семенович уходят, и остаются один священник с Николаем Ивановичем.

Николай Иванович. То есть церковь.

Священник. Ну, само собою, церковь, свидетельство, что ли, лиц, ну, достоверных, святых, что ли.

Николай Иванович. Понятно, что это было бы прекрасно, если бы существовал такой орден непогрешимый, которому мы могли бы верить, желательно, чтобы был такой. Но то, что это желательно, не доказывает того, что он есть.

Священник. Я полагаю, именно доказывает это самое. Не мог господь, ну, предоставить, что ли, свой закон возможности искажений, перетолкований, а должен был основать такую, ну, блюстительницу, что ли, своих истин, при которой истины эти не могут уж подвергнуться искажениям.

Николай Иванович. Да, хорошо. Но ведь то вам надо было доказать самые истины, а теперь надо доказывать истинность хранительницы истины.

Священник. Тут надо, ну, верить, что ли.

Николай Иванович. Верить – надо верить, без веры нельзя, но не верить в то, что мне скажут другие, а в то, к вере во что вы приведены сами ходом своей мысли, своим разумом... Вера в бога, в истинную вечную жизнь.

Священник. Разум может обмануть, у каждого свой разум.

Николай Иванович (*горячо*). Вот это-то ужасное кощунство. Богом дано нам одно священное орудие для познания истины, одно, что может всех нас соединить воедино. А мы ему-то не верим.

Священник. Да как же верить, когда, ну, разногласия, что ли.

Николай Иванович. Где же разногласия: то, что дважды два четыре, и что другому не надо делать, чего себе не хочешь, и что всему есть причина и тому подобные истины, мы признаем все, потому что все они согласны с нашим разумом. А вот то, что бог открылся на горе Синае Моисею, или что Будда улетел на солнечном луче, или что Магомет летал на небо, и Христос улетел туда же, в этих и тому подобных делах мы все врозь.

Священник. Нет, мы не врозь все, кто в истине; мы все соединены в одну веру в бога, Христа.

Николай Иванович. Да и тут даже не соединены, а все разошлись. А потом, почему я буду верить вам больше, чем ламе буддийскому. Только оттого, что я родился в вашей вере?

Опять спор между играющими.

– Аут.

– Нет, не аут.

Ваня. Я видел.

Во время разговора лакеи устанавливают стол, опять чай, кофе.

Николай Иванович. Вы говорите: церковь дает единение. Напротив, самое ужасное разъединение всегда было от церкви. «Сколько раз хотел я собрать вас, как насадка цыплят...»

Священник. Это было до Христа, а Христос и собрал.

Николай Иванович. Христос-то собрал, да мы разъединили, потому что навыворот поняли его. Он разрушал всякие церкви.

Священник. А как же: «скажи церкви»?

Николай Иванович. Не в словах дело, – да слова эти ничего и не говорят о церкви, – но дело в духе учения. Учение Христа всемирное и включает в себя все верования и не допускает ничего исключительного: ни воскресенья, ни божественности Христа, ни таинств, ничего такого, что разделяет.

Священник. Да тогда это – ну, ваше, что ли, толкование Христова учения, а Христово учение все основано на его божественности и воскресении.

Николай Иванович. Вот этим-то и ужасны церкви. Они разделяют тем, что они утверждают, что они и обладании полной, несомненной, непогрешимой истины. «Изволися нам и святому духу». Это началось еще с первого собора апостолов. С этого времени начали утверждать, что они находятся в обладании полной и *исключительной* истины. Ведь если я скажу, что есть бог, начало мира, со мной согласятся все; и это признание бога соединит нас; но если я скажу, что есть бог Брама, или еврейский, или троица, то такое божество разъединит. Люди хотят соединиться и для этого придумывают средства соединения, а пренебрегают одним несомненным средством соединения – стремлением к истине. Вроде того как если бы люди в огромном здании, где свет падает сверху в середине, старались соединяться по углам кучками, вместо того чтобы всем идти к свету. Тогда, не думая о соединении, все бы соединились.

Священник. Но как же руководить народом, не имея, ну, определенной, что ли, истины?

Николай Иванович. Вот в этом-то и ужас. Нам, каждому, надо спасать душу, делать самому дело божие, а мы озабочены о том, чтобы спасать, учить людей. И чему же мы учим? Ведь это ужасно подумать. Учим теперь, в конце девятнадцатого столетия, тому, что бог сотворил мир в шесть дней, потом сделал потоп, посадил туда всех зверей, и все глупости, гадости Ветхого завета, и потом тому, что Христос велел всех крестить водой, или верить в нелепость и мерзость искупления, без чего нельзя спастись, и потом улетел на небо и сел там, на небе, которого нет, одесную отца. Мы привыкли к этому, но ведь это ужасно. Ребенок, свежий, открытый к добру и истине, спрашивает, что такое мир, какой его закон, и мы, вместо того чтобы открыть ему переданное нам простое учение любви и истины, старательно начинаем ему вбивать в голову всевозможные ужасающие нелепости и мерзости, приписывая их богу. Ведь это ужас. Ведь это такое преступление, хуже которого нет в мире. И мы, и вы с вашей церковью совершаете это. Простите меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.